

РОЛЬ ИМПЛИЦИТНОЙ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ В КОЛЛЕКТИВНОМ СОЗНАНИИ

А. А. Хахалова

Восточно-Европейский институт психоанализа

Поступила в редакцию 20 августа 2016 г.

Аннотация: в данной статье представлено исследование эффекта совместности, лежащего в основании функционирования коллективного сознания через анализ и описание имплицитных структур психики в феноменолого-психоаналитическом изводе. На основе работ психоаналитиков представлена концепция телесно-аффективного опыта взаимной настройки посредством эффордансов (навыков и привычек общения) межличностного взаимодействия.

Ключевые слова: совместное внимание, эффорданс, телесно-аффективная динамика, имплицитная память.

Abstract: the paper addresses the shareness as a fundamental principle of functioning of collective mind. The consideration takes into account a phenomenological analysis and elucidation of experiential implicit structures. At the basis on psychoanalytical process the conception of bodily-affective mutual attunement which takes place in the relations by means of social affordances.

Key words: shared attention, effordance, bodily-affective dynamics, implicit memory.

В той мере, в какой коллективное сознание представляет собой нечто большее, чем просто собрание индивидов вместе, механизм его функционирования представляет интерес для многих исследователей. Действительно, команда исследователей, группа подростков, разъяренная толпа, рабочие на заводе – все они отсылают к различным контекстуальным формам деятельности, отражающим эффекты и свойства коллективного сознания. Сосредотачиваясь на анализе телесно-аффективного (ТА) регистра, мы можем описать самые ранние характеристики опыта, свидетельствующие о совместности (*shareness*), общности предмета, темы и ситуации в целом. Мы полагаем, что соответствующую ТА динамику (Д) коллективного сознания задают имплицитные, или бессознательные, структуры опыта.

Коллективное сознание характеризуется совместным вниманием (*joint attention*), совместным смысловым пространством, общим миром как системой возможностей для действия (*affordances*), совместным движением, действиями, пониманием, мировосприятием и т.д. Мы считаем, что его возможность подготовлена внутриспсихической¹ квази-кол-

¹ Указание на внутреннюю психическую жизнь в данном случае служит только для разделения между коллективным сознанием (группой индивидов) и отдельными индивидами. По логике исследования и в согласии с логикой эк-

лективной работой в субъективной психической жизни – имплицитной структурой психики. В таком случае любая активность психики может быть рассмотрена как двухуровневая: на уровне эксплицитной, позитивно положенной ситуации актуального внимания и на уровне скрытой, «бессознательной рефлексии», имеющей место наряду с первой. Мы не проводим устойчивой границы между ними, указывая, тем самым, на их взаимное динамическое напряжение.

Прежде чем разделять с другими общие социальные факты, убеждения, историю, необходимо уже обладать первичной способностью быть с другими. Быть с кем-то означает быть дальше и «больше себя» (*larger than oneself*), быть, как минимум, двойственным, диадным. Последнее означает феноменологическое качество сознания быть «за двоих» в ситуациях общего с другим совместного опыта (матери с младенцем, аналитика с аналитиком, между влюбленными и т.д.). Прежде чем развивается возможность сознательной, объективирующей рефлексии о другом, мы «чувствуем» и сопереживаем эту ответственность, обмениваемся аффектами и эмоциями в совместной ТАД. Начнем с того, что единичного сознания, т.е. сознания «одинокого» и самостоятельного в своей способности сознавать субъекта, не существует. Другой, другие, мир всегда уже встроены в мою конституцию взгляда и действия, восприятия и опыта как его *конституенты*. В то же время даже обладая иллюзорной самостоятельностью, мы, вступая в интеракции с другими, неизбежно оказываемся в измененной ситуации: меняется наше видение окружения, предметов и людей, наши представления о себе, мире и другом, наши цели и задачи. Речь не идет о глобальном сдвиге в нашей когнитивной картине мира, хотя существуют и такие опыты взаимодействия, а, скорее, о *легкой модификации* нашего интереса, не ограничивающегося осознанным, отрефлексированным знанием. Действительно, когда мы прогуливаемся в парке вместе с друзьями, то поневоле, как бы пред- или под-сознательно, нететически (не специальным образом) мы рассчитываем наш шаг (либо делаем его более медленным, зная о большой ноге спутника, либо ускоряемся, чтобы соответствовать быстрой ходьбе своего собеседника); положение тела (либо наклоняемся ближе к собеседнику во время разговора, в силу его маленького роста, либо говорим громче, чтобы плохо слышащий человек нас услышал); рассчитываем пространство вокруг нас «за двоих» (либо забегаем чуть вперед собеседника, выстраиваясь как бы в ряд, завидев человека на дороге, идущего нам навстречу, либо берем левее, чтобы оставить место на узкой тропе для собеседника) и т.д. Делая это, мы занимаем лишь часть нашего внимания, бросая основную силу сознания на обсуждаемую тему – главный предмет сознания (например, на разговор о природе сознания). В той мере, в какой понятие интенциональности отражает сферу нашего интереса,

стернализма мы считаем, что любая психическая активность поделена между многими индивидами, границы между которыми очень сложно провести. Речь идет скорее об *интер(меж)*психической жизни, которая происходит между субъектами на до-сознательном, имплицитном уровне.

маркирующего наши действия, нас интересует феномен интенциональной модификации нашего поведения. Мы ограничиваемся опытным измерением, имея при этом в виду существование врожденных элементов подобной имплицитной интенциональной структуры ИИС (это то, что направляет наше поведение и что меньше всего зависит от нашего рефлексивного усилия, например, страх перед змеями у людей). Таким же образом мы не рассматриваем сенсорно-моторную подоплеку ТАД, имеющей место в опыте интеракции².

Историческая перспектива

Однако давайте остановимся и еще раз внимательнее присмотримся к перечисленным примерам опыта совместного сознания. Кажется очевидным, что мы можем различать между опытом одинокого медитативного размышления (ведением дневника) и переживанием массового страха в толпе в ситуации наличной угрожающей опасности (сообщение о бомбе в кинотеатре). В первом случае человек находится наедине с самим собой, и, как кажется, ему просто не с кем разделить этот момент. В толпе, наоборот, есть то, что разделяется всеми участниками действия. И, тем не менее, в обоих случаях, помимо актуального потока восприятия, свершается работа на имплицитном уровне, которая во многом подготавливает для бодрствующего внимания все необходимые составляющие опыта.

Тема имплицитных структур сознания известна в истории философии под именами бессознательное, под- или пред-сознательное, а-логическая часть души, тело, материя. Если мы попытаемся выстроить связь с историческим контекстом данной проблемы, то стоит обратить внимание на то, что данные понятия всегда выстраиваются в оппозиции с доминирующими понятиями классической метафизики, такими как сознание, логос, душа, форма, идея и т.д. Иначе говоря, тема имплицитного разворачивалась в границах гилеморфической схемы³. Тем интереснее представляются маргинальные тексты, в которых мы можем обнаружить весьма актуальные наблюдения за функционированием имплицитных структур психики⁴. Надо сказать, что представление

² В последнем случае подчеркивается кросс-модальная мультисенсорная природе интеллектуального опыта.

³ В связи с этим особый интерес представляет собой досократическая мысль, где природа понимается в ее единстве и сложности до проведения этой межи. На наш взгляд, тема бессознательной, имплицитной мотивации берет начало в учениях досократиков о природе, в которых речь идет о законах всего сущего.

⁴ Одной из таких концепций является концепция внутренних чувств, чей онтологический статус остается не проясненным. Очевидно, что тема внутренних чувств произрастает из толкования трактата «О душе» Аристотеля Фомой Аквинским. Сами по себе внутренние чувства занимают промежуточное положение между внешними чувствами и интеллектом – самой высшей способностью души. По своим функциональным задачам мы можем увидеть, что внутренние чувства очень близки к имплицитной интенциональности (ИИ): все они представляют собой процессы, которые имеют место в душе без сознательного мониторинга. Так,

о внутренних «аппетитах», незаметных движениях и тенденциях души набирает обороты в Новое время и окончательно оформляется в психологической традиции XIX в., исследующей пороги ощущений, проблемы гипноза и внушения, бессознательные мотивационные системы, скрытые процессы, лежащие в основе патологий. Опосредованно через Канта и Гегеля учение о воле также вписывается в традицию исследования имплицитного. Отдельного рассмотрения требует анализ таких глобальных традиций, как психоанализ и феноменология, которые разрабатывают тему бессознательного и пассивного генезиса, соответственно. Мы бы хотели только отметить общие тенденции континентальной и аналитической философии. Речь идет об усмотрении единого проблемного поля – социального измерения опыта. Начиная с XX в. другой, интересующий субъективность и социальность становятся преимущественными темами философии сознания. Углубляясь в природу имплицитного, становится очевидной необходимость рассматривать сознание и субъективность как бытие-в-мире и бытие-с-другими, через его деятельностную, энактивную (*enactive*) природу или через его *интерактивную* реальность. Развитие темы бессознательного позволило сблизить две перспективы (научную и гуманитарную), а также сместить акцент с интерналистической на экстерналистическую онтологию.

В свою очередь, понятие имплицитной интенциональности встречается у Гуссерля и Мерло-Понти. В данном случае ИИ имеет дело с перцептуальными данными (особенно ясно проступает деятельностный акцент на сфере «*Я могу*» опыта) и означает восприятие качественных данных в их единстве, которое имеет место до объективирующей интенциональности. Необъективирующую интенциональность рассматривает, в частности, Нам-Ин Ли в качестве более первичной установки по отношению к другому.

На наш взгляд, тема коллективного сознания и коллективной, совместной интенциональности вписывается в традицию имплицитного и разворачивается на пересечении многих вышеперечисленных традиций. Дальнейшие исследования имплицитных структур сознания можно обнаружить в таких проектах, как исследование минимальной самости, первичных форм самосознания, телесной памяти и телесного сознания и т.д. Мы хотели бы сосредоточиться на тех аспектах коллективного сознания, которые возникают в процессе коммуникации и отвечают за имплицитное реляционное знание (*relational skills*) «как» общения. Дру-

оценивающая способность предсказывает возможный вариант развития той или иной ситуации; память и воображение оказываются сцеплены именно благодаря действию внутренних чувств, при этом, поскольку речь идет не о воспоминании идей – предметов интеллекта – а, скорее, о воспоминании аффективно небезразличного события, своего состояния; общее чувство обеспечивает слаженную работу всех чувств между собой в акте восприятия, или ТАД опыта; в целом, аффективность оказывается существенным измерением действия внутренних чувств – в этом угадывается современная традиция исследования имплицитных структур сознания и интенциональности.

гими словами, мы разделяем положение о том, что сознание возникает и развивается в процессе коммуникации, установления устойчивых связей со значимыми другими и является, в некотором смысле, взаимным достижением всех участников коммуникации, т.е. оказывается коллективным, социальным образованием. Задействованные на имплицитном уровне механизмы «рефлексии» представляют собой минимальный опыт самости и ответственны за начальную идентичность субъекта. При этом нарративная, историческая, культурная, семейная и другие формы социальной идентичности закладываются именно на этом уровне.

Имплицитное знание о «как» ситуации общения представляет собой определенную основу ведения коммуникации, историю прошлых опытов, сведенную к привычным паттернам реагирования. Действительно, успешная коммуникация подразумевает способность оценки другого (уровня его знаний по вопросу или готовности), принятия перспективы другого (насколько ему/ей это удобно, приятно, невыгодно), способность расчета последствий «за двоих», способность, своего рода, диадной, или «зеркальной» рефлексии (например, я знаю, что он думает по поводу того, что я говорю).

Ситуация понимания возникает как эффект совместного, общего, интересубъективного мира, в котором возможности для дальнейших действий проявляются в соотнесенности моей перспективы с перспективами других. Иначе говоря, мои возможности появляются как возможности для некоторых совместных манипуляций (например, вот этим вот предметом). Даже в случае изолированного от других пространства, благодаря уже освоенным реляционным навыкам, сложившейся ИИС, агент будет совершать действия, как если бы другие были рядом, конечно, до определенной степени (это не исключает того, что в отсутствие других я могу делать многие вещи, которые ни за что не сделаю при посторонних). Речь идет о том, что всё, что мы делаем и воспринимаем, произрастает из опыта взаимодействия с другими и является культурным, социальным образованием. Самость оказывается особой сборкой культурных и семейных традиций, копируя и наследуя поведение других в процессе ТАО.

Эффордансы взаимодействия

Феноменология обращается к анализу привычки и миру как набору привычек в этой связи. В экологической психологии эффект всегда уже до определенной степени освоенного, знакомого мира выражается в представлении о системе эффордансов (*affordances*). Гибсон определяет эффорданс как характеристика системы «организм-среда», которая указывает на дальнейшие возможные манипуляции (действия) организма в данной среде [1]. Очевидно, что человек ни разу не видевший раньше мобильный телефон будет определяться через совершенно другие эффордансы (что можно сделать с этим предметом), чем человек, активно пользующийся телефоном⁵.

⁵ Интересно, что связь между восприятием и действием исследуется самыми разными научными традициями. Так, говоря на языке теории сложных динами-

На наш взгляд, те же механизмы привычки действуют в эмоционально-аффективной динамике опыта. Другими словами, можно представить опыт аффективного обмена (ТАО) между участниками коммуникации согласно предложенной концепции эффордансов, понимаемых в данном случае как система возможностей аффективно-эмоционального реагирования (АЭР), которые характеризуют конкретную ситуацию общения. Речь идет о тех возможностях, которые становятся доступными субъекту только в ситуации общения как взаимное достижение совместной ТАД. Другие в этом опыте присутствуют с самого начала бодрствующей жизни субъекта или даже на ее допренатальном периоде. Этот уровень общения доступен всем живым существам с самых первых минут жизни: вспомним эксперименты и наблюдения за новорожденными Мелтцофа и Мур (Meltzoff&Moore), М. Мюррей и Тревартена (Murray&Trevarthen) и мн. др. [2–3] В этих наблюдениях младенец демонстрирует не просто имитационные способности, но действует как агент коммуникации (он отвечает другому, причем каждому по-разному, в соответствии с тем, чего от него хотят и как действует другой). Если живое общение с матерью через экран заменяется записью ее лица на экране, то младенец чувствует подвох, начинает реагировать соответствующе (нервно двигаться, тревожиться, плакать и т.д.). Более того, опыт первичных коммуникаций не только закладывает основу для дальнейших, более сложных отношений, но и, в некотором смысле, продолжает сопровождать нас на протяжении всей жизни. Оттого, что мы научились рефлексивно оценивать свои собственные возможности и возможности другого, мы не перестали со-настраиваться с другими на нерефлексивном, имплицитном уровне (иначе сочувствие было бы невозможно). Речь идет не обязательно о том, что я испытываю ту же эмоцию, что и мой друг, а об уместности и адекватности моей эмоции на его). Способность сонастраиваться с другими посредством эффордансов также осуществляется ИИС.

В данной модели другой выступает в качестве триггера определенного ТАР со стороны другого. Например, в зависимости от действий матери действия младенца получают различную судьбу: в случае подкрепления его действий сформируются устойчивые образцы поведения, чувство самости обретет устойчивые границы, в случае игнорирования может возникнуть опасность роста неуверенности в себе, что приведет к слабой форме чувства самости и нечеткой идентичности и т.д. Боулби (Bowlby) в данном контексте говорит о рабочих моделях матери (РММ), которые закрепляются в сознании ребенка, Стерн (D. N. Stern) об обобщенных ре-

ческих систем, у них будут разные бассейны аттракторов и разные пространства возможностей. Аттрактор – это то, что притягивает агента в его поле возможностей, та возможность действия или реагирования, которая оказывается более приемлемой в данной ситуации, это смысл, который перетягивает на себя одеяло желаний агента. Все возможное поле действия для системы (пространство состояний, ландшафт) расчерчивается различными бассейнами аттракторов, которые участвуют в дифференциации опыта системы.

презентациях взаимодействия (ОРВ), которые задают последующие ТА привычки субъекта.

Многие исследователи пишут об онтогенетическом первенстве телесно-аффективной самости, которая выстраивается в опыте первичной ТАД. Столороу и другие говорят о взаимной регуляции аффекта [4], Стерн – об аффективной настроенности [5] между участниками коммуникации, Tronick & Beebe – о реляционных аффектах и интенциях (relational affects and intentions) [6]. Кроме того, базовая или минимальная самость, которая, таким образом, возникает, характеризуется диадным измерением. Стоит отметить, что диада описывает не любые телесно-аффективные практики, а лишь те, в которых возможно говорить о взаимном интересе участников, об их совместном, пусть и небольшом, прошлом, т.е. о более личностном опыте отношений.

Диаду можно охарактеризовать через такие параметры, как стабильность, гибкость (*flexibility*), уникальность и плотность (*thickness*), возникающие в процессе общения [6–7]. Уникальность диады становится технически понятна, если мы переводим оптическую метафору как указание на единичность и неповторимость каждой отдельной истории взаимодействия. Стабильность и гибкость показывают, насколько диада успешно адаптируется в новом контексте, отвечает на вызовы ситуации, сохраняя и изменяя себя, соответственно, без угрозы исчезновения. Плотность выражается в постоянном сопутствующем стремлении обоих участников ко всё большей надежности и уверенности в сохранности диадического состояния сознания – это стремление. Троник и другие называют интересубъективной целью, существующей наряду с более явной, осознанной целью (например, достичь прогресса в терапии, договориться о правилах игры и др.). Здесь мы опять наблюдаем разделение опыта на сознательную, артикулированную часть, в которой присутствуют первичные объекты, или явные цели, отношений, и на почти неосознаваемую, имплицитную часть вторичных объектов и целей. Разница между этими двумя сферами опыта заключается в том, что имплицитная сфера общения присутствует и сопровождает нас с первых минут жизни и характерна не только для людей, но и для социальных животных, в то время как вторая является результатом развития коры головного мозга, префронтальной и фронтальной областей мозга, результатом культурного наследия, осознанного воспитания и обучения и т.п.

На основании теоретиков диады мы говорим о диадическом (коллективном) субъекте, сборка которого подразумевает диадное чувство самости, диадную ТАД, диадную перспективу, которую обычно называют перспективой второго лица, однако на самом деле речь всегда идет о взаимности данной перспективы (я смотрю на тебя и вижу твои эмоции, понимая, что ты видишь меня; мы меняемся в согласии друг с другом)⁶. Действительно, любое наше переживание, действие или эмоция подра-

⁶ Похожим образом К. Франк, А. Лемма разбирают феномен коммуникативного, диадического тела, характеризующего отношения между субъектами [8].

зумевают соотнесенность с другим и, таким образом, никогда не может быть объяснена только как событие перспективы от первого лица: под чутким взглядом другого я обретаю свои собственные очертания и определенности⁷.

Эффект совместности исследуется психологами развития в контексте разговора о совместном внимании – способности ребенка разделять с другими объекты и события в мире, которая приобретается им примерно с полугода, хотя некоторые из аспектов совместного внимания можно обнаружить уже на самых ранних этапах жизни. В данном случае указываются такие качества сознания, как *желания, интенции и предпочтения*, которые младенец уже способен распознать, управлять ими и, тем самым, модифицировать свое поведение или манипулировать действиями других. В отличие от них, компоненты ТАД (жесты, позы, интонации) доступны непосредственному⁸ схватыванию, усваиваются младенцем поразительно быстро. На основании такого деления, мы предполагаем разделение всей системы эффордансов на две группы – высшего порядка и низкоуровневых, или моментных эфф. Это деление соответствует делению сферы сознания на сознание низкоуровневое и сознание высшего порядка, концептуализацию которого можно обнаружить в философии сознания. Очевидно, что это деление носит упрощающий характер и предназначено для схематизации живого общения, которое в таком случае становится более доступным для рефлексии. Также очевидным кажется и то, что эффордансы низкого порядка (ЭНП) не перестают быть актуальными и после приобретения способности к работе с эффордансами высшего порядка (ЭВП). В согласии с теоретиками минимальной самости мы допускаем, что утрата способности к восприятию ЭНП как составляющая часть экстернальной минимальной самости ведет к потере чувства самости и понимания другого. Этим мы выдвигаем гипотезу о том, что ЭВП не достаточно для нормального функционирования эмоционального интеллекта. Опираясь на результаты клинической работы группы аналитиков, пишущих в традиции диадического подхода, мы утверждаем о необходимости задействования ЭНП в интеракции с другими. Концептуализацией этой необходимости служит анализ терапевтической сессии, где ЭНП играют ключевую роль, регулируя степень взаимного доверия и приятия [8–9]. В подобном взаимодействии акцентируется живое-настоящее общения, в котором участники выходят на интимный, личностный уровень.

⁷ В этом смысле мы можем вспомнить мысль Выготского (созвучную феноменологической истине) о том, что способность к рефлексии и феномен внутренней речи обретаются в результате интернализации или опытного освоения взгляда другого и внешней речи. Субъект оказывается своего рода призмой, преломляющей и вбирающей в себя перспективы других.

⁸ Непосредственность понимается нами как пространство опыта, в котором мы можем говорить о присутствии фигуры другого, его реальности, витальности и открытости, которые делают возможными соучастие и сочувствие, т.е. эмоциональное совместное присутствие, или АЭО.

ИИС в опыте соотнесенности

Онтологическая позиция, которой мы придерживаемся в данном изложении, может быть названа экстернализмом, согласно которому очень сложно провести четкие, раз и навсегда определенные между субъектом и миром, вокруг него, между ним и другими субъектами. Кроме того, субъективность и сознание начинают получать свое определение исходя из совместно осуществляющейся практики взаимного определения между самостью и миром, между мной и другими. Таким образом, экстернализм опирается на идею о телесном сознании (*embodied mind*), т.е. о том, что сознание существует как некая конкретная телесная практика; а также разделяют идею о деятельностной, или энактивной природе, сознания. Последнее указывает на то, что мы говорим не о природе отдельных сущностей, но описываем динамику происходящего, стараясь удержаться в границах самого феномена-действия. Нельзя не заметить, что в нашем изложении данные положения близки к идеалу феноменологического исследования с одной стороны, и прагматизму – с другой.

С очерченной таким образом перспективы вопрос о различении границ между участниками интеракции приобретает иное значение. Мы говорили о диадной самости, характеризующейся совместностью, тем не менее, речь идет об опытной идентичности субъекта и чувстве самости, которое отвечает за проведение границ между собой и другими. Феноменологическая традиция в лице Мерло-Понти, Левинаса и Сартра предлагает различные модели интерсубъективности, среди которых есть крайне противоположные положения от представления о неразличимом, анонимном присутствии, из которого затем вырастают Я и другой (Мерло-Понти, М. Анри), допредставления о непреодолимой бездне между мной и другим (Левинас, Сартр) [10]. В психологической литературе К. Тревартен, Д. Н. Стерн и другие указывают на ключевое различие между младенцем до 7–9 месяцев и после этого рубежа. Считается, что именно после этого периода младенец способен к подлинной (вторичной) интерсубъективности, а значит, и к совместному вниманию, что означает в данном случае совместные продолжительные действия, опирающиеся на работу с ЭВП. В согласии с логикой нашего исследования мы должны допустить присутствие фигуры другого Я уже на этапе первичной интерсубъективности и ЭНП. В пользу тезиса о том, что диадная самость не подразумевает всё же слияния с другими, высказываются многие теоретики отношений, которые говорят о том, что в опыте взаимной перспективы наряду с чувством самости возникает чувство других (*sense of others*) [11]. Оба эти чувства развиваются как две взаимнеобходимые конституэнты взаимного интереса. Таким образом, совместная ТАД служит условием для формирования самостной ТАД, как и в целом совместная и взаимная перспектива служит условием для развития самостной структуры опыта.

Очевидно, что сами по себе диадические отношения недостаточны для идеи коллективного сознания, если мы подразумеваем под последним

некие продолжительные совместные действия, осуществляемые большим количеством участников, предполагающие разделение с другими общих теоретических концептуальных положений, установок, предрасудков и т.д. Однако если мы имеем в виду, что коллективное сознание возникает как достижение (результат) более ранних интересубъективных отношений, тогда мы усматриваем эффект совместности уже на этапе низкоуровневого сознания. Совместность указывает на наличие интереса к друг другу либо посредством постороннего объекта, либо непосредственно. В данном случае для нас не актуально различие между триадными и диадными отношениями, которое акцентируется психологами развития⁹. Интерес как аффективная оценка близок к понятию настроенности; в свою очередь, эффордансы ситуации можно представить через идею контекстуального поля (Столору).

Одной из концептуализаций раннего периода совместности может служить модель развития Д. Н. Стерна, который описывает опыт до 7 месяцев понятием базовой соотнесенности (*core-relatedness*). В этот период возникает и развивается эмерджентная самость (*emergent self*) – те островки устойчивости и постоянства, которые начинают проявляться в опыте младенца. Эти инварианты обеспечены природой ТАД, в которой действует механизм а- или, скорее, поли-модальности восприятия. Стерн говорит о совпадении интенсивности, ритма и других аспектов ТАД, составляющих опыт базовой соотнесенности. Полимодальность означает, что всякое восприятие подразумевает слаженную, комплексную работу всех чувственных способностей: мы не просто видим красное, но можем почувствовать при этом клубнику (если смотрим на клубнику) или ощутить тепло (если смотрим на нарисованное солнце). Соотнесенность указывает на связь младенца со значимыми другими, которые составляют его ближайшее окружение, участвуют в совместной манипуляции с предметами, разделяют взгляд и телесные кинестезы с младенцем, участвуют в диадном реципрокном ТАО. До двух месяцев эта связь присутствует интервалами. На основании этих периодических инвариантов опыта формируется базовая самость (*core self*). Стерн пишет о том, что она характеризуется большей устойчивостью и появлением эпизодической памяти – памяти о личных исторических моментах [5]. Мы можем утверждать, что на данном этапе формируются первые устойчивые модели поведения, способность к «предсказыванию» своих и чужих действий, бóльшая обособленность себя (чувство самости) от других и вместе с тем бóльшее понимание других (чувство других). Мы считаем, что эти характеристики соответствуют представлению об ИИС, которая включается в коммуникативный процесс после приобретения младенцем первых навыков реляционного знания, или ИРЗ. В данном случае ЭНП соприкаса-

⁹ Как считает В. Редди, в случае условно диадных отношений мое тело также может стать объектом совместного интереса (ОСИ). Самым сложным тогда оказывается различие между взаимным взглядом и совместным вниманием, поскольку в случае моего тела как ОСИ эти уровни совпадают.

ются в ЭВП и вместе задают смыслополагающую деятельность субъекта. С возраста от 7 до 9 месяцев ребенок уже оказывается способным на такие качества опыта, как интер-интенциональность (когда ребенок может сообщить свое намерение), интер-аффективность (когда ребенок может сообщить ощущение другому), интер-аттенциональность (когда ребенок может сообщить разделить внимание с другим). Именно на этом этапе Стерн говорит о возникновении аффективной настроенности между ним и взрослым, когда младенец уже обладает достаточным опытом для того, чтобы в той или иной ситуации ожидать определенной эмоциональной реакции со стороны взрослого в ответ на его эмоцию. Адекватный ответ приносит необходимое чувство эмоционального спокойствия и укрепляет сформированный паттерн эмоционального реагирования. Мы предполагаем, что расширение понятия настроенности (attunement) вплоть до феномена лицом-к-лицу (кожа-к-коже) интеракции и ситуации взаимного взгляда позволяет усмотреть более ясно ЭНП, которые уже присутствуют у младенца в возрасте до 7 месяцев. Как пишут Ф. Роша и др: всеэксперименты на взаимное внимание демонстрируют, что дети развивают социальные ожидания по поводу того, что должно произойти в следующий момент, более того уже с самых ранних опытов, младенцы чувствительны к социальным, целенаправленным действиям, которые они отличают от бессвязных, не социальных движений [12]. Более того, что другой (точнее другое живое лицо) является исключительным и преимущественным предметом восприятия уже у новорожденных. В известных экспериментах детям показывали самые разнообразные фигуры в границах овала и выяснили, что Т-образные формы (похожие на лицо, нагруженные сверху) кажутся намного интереснее младенцу. Именно укрепление и развитие этого интереса лежит в основе возникновения интенционального отношения к другому: отношение, окрашенное определенным АЭ фоном, цель которого заключается в постоянном поддержании интереса, т.е. в нем самом¹⁰. Придавая Аристотелевый смысл энергии интерсубъективному отношению, мы соглашаемся с логикой диадического сознания, в котором наряду с эксплицитной целью присутствует имплицитная интерсубъективная цель, заключающаяся в том, чтобы постоянно усиливать, укреплять и расширять границы диады.

Исследования структур мозга и памяти сегодня приводят нас к мысли о неоднозначности и многосложности их локализации. Эти наблюдения подводят нас к вопросу о нейрофизиологическом субстрате ИИС, значительная часть которого посвящена теме памяти и механизма ассоциации. Предполагая важность эпизодической памяти, которая содержит воспоминания о личной истории, важных моментах в биографии субъекта, тем не менее, мы должны допустить участие других структур памяти имозга, в которых может фиксироваться память о «как» отношений. Психолог Д. Шахтер утверждает о кортикальных и субкор-

¹⁰ Точнее одна из целей, поскольку в большинстве случаев есть насыщенные цели насыщения, игры и т.д.

тикальных структурах имплицитной памяти, содержащих информацию различного качества¹¹. Как показали недавние исследования, у людей с травмами мозга, в частности в области гиппокампа и правых префронтальных областях, отвечающих за эпизодическую память, тем не менее не теряется способность понимать и предсказывать поведение других, судить о себе в связи с другими. «Впрочем, полученный результат не доказывает, что эпизодическая память не нужна для формирования теории ума. Очевидно, что умение понимать чужие мысли и поступки сформировалось у пациентов еще до травмы, когда с эпизодической памятью у них всё было в порядке. И всё же это исследование заставляет задуматься о том, насколько глубоко “вмонтированы” в структуру человеческого мозга такие высшие социально ориентированные способности, как “теория ума”»¹² [14]. К тому же, поскольку гиппокамп и префронтальная кора формируются гораздо позднее – к 3 или 4 годам, – чем миндалевидное тело, а значит, за формирование минимальной самости и ИИС также ответственна имплицитная память (R. Joseph, D. Siegel, T. Fuchs).

Имплицитная память содержит процессуальные, процедурные знания, но, кроме того, участвует во многих процессах эксплицитной памяти. В частности, в исследованиях эмоций, связанных с любовью (к любимому человеку или к ребенку) было продемонстрировано, что люди реагируют в первые несколько секунд на фотографию объекта любви соответствующей активацией отделов мозга, т.е. на бессознательном уровне, в то время как более длительные сознательные процессы не так просто локализовать. Т. Фукс один из первых выдвигает идею о том, что имплицитная память не исчерпывается наличием в ней моторных и процессуальных навыков, а оказывается пристанищем для первых эмоционально значимых моментов. Имплицитная, или телесная, память закладывает основы идентичности субъекта, создавая мир как мир привычного обхождения, где наши телесные особенности и эмоциональные привычки идут раньше рефлексивного осмысления ситуации и уже успокаивают нас в том, что мы остаемся самими собой [15].

Исследуя особенности ТАД субъекта, мы видим как чисто механические действия (игра на пианино) сопряжены, составляют одно с индивидуальными телесными чертами играющего (кто-то сильно раскачивается, кто-то резко вздрагивает, кто-то взмахивает головой и подпевает себе). Эти черты уже нельзя назвать просто процедурной памятью об определенном навыке – это его телесное лицо, его самость. Память о ТАД, будучи задействованной в большей степени на раннем этапе развития, играет ключевую роль в формировании аффективного ядра минимальной самости. «...Память тела включает также индивидуальные отношения, способы выражения чувств и модели поведения, которые входят в

¹¹ Эти исследования позволяют по-новому представить психоаналитические данные обессознательных восприятий, указав их точную нейрофизиологическую подоплеку [13].

¹² Мы оставляем в стороне вопрос о релевантности понятия «теория ума» в данном контексте. См. критику модели теории ума [11].

кровь и плоть человека, являясь в силу этого неотрывной частью телесной структуры личности» [там же, с. 61]. Фукс говорит о непрерывности физического, телесного существования, которое сопровождает нас с первых минут жизни, в отличие от прерывающегося усилия эпизодической памяти, отмечая, что телесная непрерывность от этого не оказывается анонимной. Фукс указывает на характер *всегда моего* опыта (привычного и знакомого мне, субъекту опыта), наследуя в этом феноменологической истине *Jemeinigkeit*. «...[Н]епрерывность телесного существования создает вид памяти, который не позволяет вспомнить отдельные эпизоды, но в определенном смысле воскрешает все прошлое личности в ее нынешнем теле. Обычное и привычное тело не просто обеспечивает анонимное дорефлексивное существование, но и всегда создает своего рода “вытяжку” личной истории» [там же].

Обращаясь к патологиям, Фукс подчеркивает различие между телесной непрерывностью и автобиографической самостью. В случае шизофрении утрачивается исходное телесное единство личности, что ведет к гипертрофированной рефлексии, стремящейся компенсировать недостаток базовой телесной самости. В отличие от шизофрении в случаях амнезии и деменции речь идет о разрушении более высших сознательных слоев личности, коррелирующих с эпизодической памятью, в то время как базовая телесная память сохраняет, удерживает единство личности¹³.

Мы приблизились к фундированию первичного опыта совместности (взаимного интереса) в опыте соотнесенности, который на субстратном языке локализуется в отделах имплицитной памяти. ТАД этого опыта позволяет работать с ЭНП, которые составляют начальную схему тела-мира, тела-другого и тела-самости. В данном случае мы отмечаем связку восприятия-действия, которая пронизывает ТАД, перманентный характер которой позволяет развиваться необходимому для нормального функционирования непрерывному фону – телесно-аффективному расположению.

В данной работе мы не касались вопроса о мотивационном измерении изначального совместного опыта, однако уже сейчас очевидно, что маркирующим знаком этого опыта оказывается изначальный интерес или интенция «дальше», «вне себя», «к другому», которая присутствует уже на уровне простейших организмов и, по-видимому, является эволюционным триггером и, вместе с тем, приобретением животного мира. Именно этот интерес одной клетки к другой позволяет рассмотреть идею вездесущего симбиоза как стратегию эволюционного развития, в основе которой лежит идея объединения – коллективного сознания – и функционального разнообразия¹⁴. Начиная с первых симбионтов природа де-

¹³ Здесь Фукс солидарен с позицией Я. Панксеппа и А. Дамазио, которые говорят о базовой самости и аффективном ядре этой самости, разрушение которых приводит к полной потере личности.

¹⁴ Согласно этой модели возникновение более сложных видов (эукариотов) обязано объединению прокариотов одну биотическую систему. Такое объединение могло быть продиктовано неблагоприятными условиями среды, когда попу-

монстрирует удивительно богатые возможности живой коммуникации [16]. Очевидно, что на макроуровне такое поведение присутствует в гораздо более вариативном пространстве (на уровне млекопитающих, приматов и людей). Очевидно, что коллективное сознание – естественная форма существования живого организма, девелопментальную картину которого представить через постоянное совершенствование и усложнение тенденции «к другому».

Литература

1. *Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию : пер. с англ. / Дж. Гибсон ; общ. ред. и вступ. ст. А. Д. Логвиненко. – М. : Прогресс, 1988. – 464 с.
2. *Meltzoff A. N. and Moore M. K.* Explaining Facial Imitation: A Theoretical Model, Early Development and Parenting. – Vol. 6, 179–192 (1997).
3. *Murray L. & Trevarthen C.* (1985). Emotional regulation of interactions between two-month olds and their mothers // In T A Field & N A Fox, Social Perception In Infants, Norwood, N. J., Ablex Publishers, p. 177–197.
4. *Столороу Р.* Клинический психоанализ. Интерсубъективный подход : пер. с англ. / Р. Столороу, Б. Брандшафт, Дж. Атвуд. – М. : Когито-Центр, 1999. – 252 с.
5. *Stern D. N.* The Interpersonal World of the Infant: A View from Psychoanalysis and Development. Basic Books, 1985. – 304 p.
6. *Tronick E. Z., Beebe M.* «Of Course All Relationships Are Unique» : How Co-creative Processes Generate Unique Mother–Infant and Patient–Therapist Relationships and Change Other Relationships// Psychological Inquiry, 2003, 23(3), p. 473–491.
7. *Sravish A. V., Tronick E., Hollenstein T., Beeghly M.* Dyadic Flexibility During The Face-To-Face Still-Faceparadigm : A Dynamic Systems Analysis Of Itstemporal organization // Infant Behavior & Development 36 (2013) 432–437.
8. Handbook of Joint Attention *Lemma A.* Under the skin. A Psychoanalytical study of body modification. – Routledge, 2010.
9. *Stern D. N., Sander L. W., Nahum J. P., Harrison A. M., Lyons-Ruth K., Morgan A. C., Bruschweilerstern N. and Tronick E. Z.* Non-Interpretative mechanisms of psychoanalytic therapy : The «Something more than Interpretation» // International Journal of Psycho-Analysis. 79: 903–921. 1998.
10. *Хахалова А. А.* Динамический подход к проблеме интерсубъективности. Natureofintentionality / А. А. Хахалова // HORIZON. – 2014 3(2).
11. *Gallagher S.* (2001). The practice of mind: Theory, simulation, or primary interaction? / S. Gallagher // Journal of Consciousness Studies, 5–7, p. 83–108.

ляции грозит вымирание, когда необходимо приспособиться к новой ситуации и выработать иную тактику поведения, более выигрышную. Такое объединение означает дифференциацию клеток на функциональном уровне. В результате такого усложнения, для исполнения различных функций формируются ядро, митохондрии в цитоплазме, исполняющие аэробную функцию, и другие элементы зукариотической клетки.

12. *Rochat Ph., Morgan R., Carpenter M.* Young Infants' Sensitivity To Movement Information Specifying Social Causality // *Cognitive Development*, 12,537–561 (1997).

13. *Mauro M.* 2006. «Implicit memory and early unrepressed unconscious: Their role in the therapeutic process (How the neurosciences can contribute to psychoanalysis)». *The International Journal of Psychoanalysis* 87 (1): 83–103.

14. *Марков А.* Душевная механика / А. Марков // *Эволюция человека. Обезьяны, нейроны и душа.* – Режим доступа: <http://scisne.net/a-1366?pg=3>

15. *Фукс Т.* Тождество личности и физическое существование / Т. Фукс. – СПб. : Мысль, 2015.

16. *Марков А.* Вездесущий симбиоз / А. Марков // *Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня : неожиданные открытия и новые вопросы.* – Режим доступа: http://skepdic.ru/wp-content/uploads/2013/10/Rozhdenie_slozhnosti_Alexandr_Markov.pdf

*Восточно-Европейский институт
психоанализа*

*Хахалова А. А., старший преподава-
тель кафедры теории психоанализа
E-mail: khakhalova@mail.ru
Тел.: 8-911-098-27-75*

*East European Institute of Psychoanal-
ysis*

*Khakhalova A. A., Senior Lecturer of the
Psychoanalytic Theory Department
E-mail: khakhalova@mail.ru
Tel.: 8-911-098-27-75*